

Дискурс культурной интеграции коренных народов Азиатской России в публикациях журнала «Православный благовестник» (конец XIX – начало XX в.)

М. К. Чуркин

В статье, на материалах публикаций журнала «Православный благовестник» раскрывается содержание дискурса культурной интеграции коренных народов Азиатской России в конце XIX – начале XX в. Обращение к исследовательским подходам и практикам «новой имперской истории», а также методом дискурс-анализа позволили выявить ключевые паттерны в представлениях корреспондентов издания – миссионеров, о моделях коммуникации с инородческим населением окраин, а также сценариях их культурного встраивания в российский социум. Установлено, что Русская православная церковь в лице миссионеров, в целом разделяя характерные для российского образованного общества просветительские принципы, являлась активным актором колонизационного дела, оперативно реагируя на реальную ситуацию. Осознавая низкую продуктивность радикальной русификации, миссионерство постепенно склонялось к «мягким» методам культуртрегерства в отношении коренных групп населения: практикам религиозного просвещения и образования с использованием родных языков, организации в инородческой среде «площадок» колониального посредничества. Журнал «Православный благовестник», как орган сообщества миссионеров, не только отражал рецепцию инородческого вопроса в церковной среде, но и корректировал общественное мнение, предлагая конструктивные варианты культурного взаимодействия с инородческой массой.

Ключевые слова: «Православный благовестник», Азиатская Россия, Русская православная церковь, миссионерство, культурная интеграция, дискурс.

Для цитирования: Чуркин М. К. Дискурс культурной интеграции коренных народов Азиатской России в публикациях журнала «Православный благовестник» (конец XIX – начало XX в.) // История повседневности. – 2025. – № 3. – С. 177–192. DOI: 10.35231/25422375_2025_3_177. EDN: QYYLXU

Введение

Актуальность исследования дискурса культурной интеграции народов Азиатской России в контексте имперской политики населения второй половины XIX – начала XX в. тесным образом связана с вызовами современного исторического знания, антропологическим и лингвистическим «поворотами» в гуманитарной науке, коррекцией методологической «оптики» в рефлексии процесса отечественного империостроительства. Опыт переосмысления имперского прошлого России в широких хронологических границах предметно запечатлён в многочисленных научных публикациях, поднимающих остросюжетные проблемы организации имперского пространства с учётом территориально культурной инкорпорации периферийных регионов; коммуникации акторов колонизационного дела; этнокультурного и конфессионального многообразия населения [1–5]. В рамках исследовательской традиции «новой имперской истории» основополагающим является утверждение, что культурное пространство, включаемое в ареал экспансии империи, характеризуется гетерогенностью. При этом интеграция коренного населения в переконструируемый социум неизбежно должна сопровождаться преодолением культурных различий между пришлыми и автохтонными группами и созданием относительно однородной в социокультурном, этнокультурном, конфессиональном отношении общности. Однако, по признанию большинства исследователей, население окраин, вплоть до начала XX в., когда текущие задачи российской модернизации отличались в столыпинский призыв «вдвинуть Россию в Сибирь» [6, с. 223], было слабо затронуто культурным влиянием центра. По мнению В. Малахова, культурная гомогенизация (русификация) окраин, в том числе азиатских, не увенчалась и не могла увенчаться успехом, что объяснялось стремлением центральных и региональных властей к обеспечению военно-политической стабильности в ущерб культурно-административной однородности; дефицитом институциональных ресурсов для проведения политики культурной гомогенизации; отсутствием у автохтонного населения реальных стимулов к отказу от прежней идентичности в пользу новой [7, с. 48]. Добавим, что ставка имперской бюрократии на переселенческое движение и культуртрегерские возможности российского крестьянства в соот-

ветствии с формулой «только та земля становится русской, где прошёл плуг её пахаря», равно как и разнообразные проекты русификации коренных народов Азии средствами школьного образования, в том числе и с использованием родных языков, не дали прогнозируемого эффекта.

Тем не менее, нельзя не отметить, что обсуждение инородческого вопроса в «русской» Азии и сценариев социокультурной инкорпорации народов во второй половине XIX – начале XX в. являлось значимым сюжетом интеллектуальной рефлексии образованной части общества, вовлечённой в колониационное дело. Напряжённость дискурса культурной интеграции и создания «спрямлённого» социального пространства в условиях окраин, рассматривавшихся как своеобразный «полигон» культурных экспериментов империи, обеспечивалась включённостью российского общественного мнения в более широкое дискурсивное поле просветительской идеологии, воспринятой в России в конце XVIII в. и приспособленной к условиям национального государства в стадии становления во второй половине XIX – начале XX в. Утверждение и распространение просветительских идей в Европе и России было тесно связано с колониационными практиками и мессианским сознанием, формировавшимся в рамках данного феномена. На рубеже XVIII–XIX вв. в европейском мире в классическую риторику эпохи Просвещения о рациональности сущего, доминанте прогресса и европоцентризме постепенно вплетались паттерны об ответственности «человека власти и культуры» за судьбы новых подданных, что предметно отражалось в форме и содержании российского дискурса культурного патернализма, реализуемого в ходе внутренней колонизации «собственного востока России» [8].

Востоковед В. В. Григорьев, рассуждая о будущем России, писал, что в отношениях с Востоком необходимо сохранить многочисленные его народы и устроить их, «научив грубых детей лесов и степей признавать благотворную власть закона...»; «...воспитать или перевоспитать, возродить или переродить большую часть народов этой стороны света..., возвысить их до себя, уподобить себе и слить в одно великое, святое семейство»; «дать им... описание их жизни, его кочевья, ...его нравов и его истории, пусть он (инородец) увидит описанным самого

себя и то, что к нему ближе, пусть он узнает, что его племя совершило, и что ему следует совершить» [9, с. 7].

Своё место в российском дискурсе культурной интеграции индигенных народов азиатских окраин занимала Русская православная церковь, ставшая одним из деятельных акторов колонизации в пореформенный период, когда движение империи к восточной периферии существенно активизировалось. Симптоматично, что отмечаемый современниками и подтверждаемый в трудах историков разных лет кризис общественного влияния РПЦ во второй половине XIX – начале XX в. [10–12], связанный с начавшимися процессами модернизации в центре империи, в периферийных регионах преодолевался институтом церкви посредством включения в благотворительную, религиозно-просветительскую, миссионерскую работу, которая сопровождалась прямыми контактами как с воцерковлённой паствой, так и новоприобретёнными сторонниками христианства Азиатской России. По замечанию Л. Манчестер и Д. Сдвижкова, исследователи часто игнорируют связь между православием и проявлениями модерна в России, поскольку находятся в плену стереотипа, созданного отечественными интеллектуалами славянофильского и национал-консервативного толка о соборности как источнике «имперсональности» России, упуская из виду наметившуюся в середине XIX столетия тенденцию, в соответствии с которой православие начинало оказывать влияние на формирование личности через социально-пасторское служение [13, с. 8–9]. Примеряя данный вывод к нашему исследованию, отметим, что в условиях азиатских окраин имперские ассимиляционные проекты в отношении инородцев, проводившие до 1870-х – начала 1880-х гг. линию агрессивной русификации, до известной степени уравнивались практиками церковного и миссионерского просветительства коренных народов, за редким исключением избегавших агрессивных методов культурного «освоения» автохтонов. Важным представляется и то обстоятельство, что в условиях отдалённых регионов, и это особенно заметным было в среде миссионерских служащих, происходило формирование коммуникативного пространства сообщества, складывалась общая идентичность и система этических конвенций, позволявшие формулировать взвешенные оценки си-

туации взаимодействия с инородческими группами, объяснять причины неудач в реализации своих культурно-религиозных программ. Выдвинутые на периферию империи миссионеры представляли собой консолидированную группу людей, находившуюся в тесном межличностном контакте, реализуемом не только в совместной деятельности, но и дистанционно через переписку, ведение дневниковых записей и другие виды публикационной активности.

Одним из таких инструментов на рубеже XIX–XX вв. выступала специализированная периодическая печать, выполнявшая не только функцию связующего звена государственной и церковной власти со своими представителями – приходскими священниками и миссионерами в отдалённых местностях Азиатской России, но и, на наш взгляд, как «площадка» репрезентации паттернов дискурса культурной интеграции коренных групп населения азиатской периферии в исследуемый период.

Метод дискурс-анализа [14], избранный нами в качестве инструментального приёма работы с публикациями журнала «Православный благовестник», предполагал выявление паттернов культурной интеграции коренного населения Азиатской России во второй половине XIX – начале XX в., обусловивших представления деятелей Русской православной церкви (священников-миссионеров) о логике имперского процесса встраивания инородцев в окраинный социум.

Целью статьи является раскрытие содержания дискурса культурной интеграции коренного населения Азиатской России, репрезентируемого в публикациях журнала «Православный благовестник» на рубеже XIX–XX вв. Область задач исследования связана с выявлением ключевых паттернов дискурса корреспондентов издания, в которых фиксировались представления деятелей РПЦ на восточных окраинах о потенциальных возможностях, способах и средствах коммуникации сообщества миссионеров с инородцами азиатской периферии, обеспечивавших преодоление культурных различий и формирование гомогенного социального пространства. Постановка цели и задач позволяет моделировать гипотезу исследования: паттерны дискурса культурной интеграции инородцев, транслируемые в журнале «Православный благовестник», характеризовались динамичностью, демонстрировали активную позицию РПЦ и её служителей

в колониационном процессе, фиксировали как точки согласия, так и расхождения церкви и прочих интеллектуальных сил российского общества в представлениях о логике и последствиях культурного влияния на коренные народы Азиатской России.

Результаты

Журнал «Православный благовестник», издаваемый в Москве в период 1893–1917 гг. под эгидой Православного миссионерского общества, в публикациях своих корреспондентов – служащих православных миссий, а также официальных отчётах о миссионерской работе, моделировал формат коммуникации РПЦ с населением окраин, в том числе с коренными народами, намечал потенциальные пути и методы христианизации инородцев и их последующего религиозного просвещения. Необходимо подчеркнуть практикоориентированность издания, что находило отражение в его программе, публикуемой в конце каждого номера и цели, формулируемой как «всестороннее, по возможности, изображение деятельности отечественных веропроповедников (миссионеров) и выяснении условий, среди которых эта деятельность развивается» [15, с. 17]. Кроме того, журнал «Православный благовестник» по своей идеологической направленности принадлежал к категории «охранительных», что находило выражение в отсутствии каких-либо полемических материалов и структуре публикаций, охватывавшей отработанный и стабильный круг сюжетов, связанных с функционированием миссий и миссионерских служб в центре страны и на её окраинах, рассуждениями миссионерских священников различных рангов о способах распространения христианства, описанием быта и верований инородцев империи, сравнением опыта деятельности миссионерства в России и за рубежом.

К числу ключевых паттернов дискурса культурной интеграции инородцев Азиатской России, формулируемых миссионерскими журналистами на страницах издания в конце XIX – начала XX в., отражавших представления деятелей Русской православной церкви о коренных народах восточных окраин и принципах их аккультурации как условия создания однородного социокультурного пространства, можно отнести следующее:

Во-первых, в журнальных публикациях исследуемого периода образ инородца как объекта культурного влияния конструиру-

вался в соответствии с эволюционистскими представлениями эпохи, равнозначными как в рецепции светских интеллектуалов, так и церковных деятелей. Риторика «другого», нуждавшегося в практиках опеки и цивилизаторского влияния, была буквально разлита по страницам издания, фиксируясь в уничтожительных конструкциях по адресу восточных автохтонов: «настолько неразвитые, что не могут отличить правой руки от левой» [16, с. 48], «худородные, слабые племена» [17, с. 7]; «инородцы мало развиты, и не могут долго сосредоточивать мыслей на одном предмете» [18, с. 5]; «темные не только по безграмотству и полудикому образу жизни, но и в силу религиозных воззрений шаманских» [19, с. 7]; «племена, не ведающие истинного Бога» [20, с. 3] и т. д. Подобные представления деятелей РПЦ и миссионеров о коренных народах азиатских окраин не только служили моральным оправданием высокой цивилизующей миссии России и православной церкви, но и выступали ориентиром в организации культуртрегерских практик.

В миссионерском сообществе в этот период отсутствовало единство относительно того, каким образом должен реализовываться интеграционный процесс. Так, ещё в 1885 г. глава Забайкальской миссии епископ Вениамин в одном из писем Н. И. Ильминскому предлагал максимально простое решение инородческого вопроса: «...даём (инородцам) русское имя с русским прозванием, отрезаем косу и, если есть средства, одеваем в русскую одежду, ...учим его по-русски молитвам» [21, с. 13]. Полемизируя с Ильминским, Вениамин высказывал сомнения в продуктивности масштабной христианизации коренного населения российских окраин и школьного образования как основного миссионерского инструмента, озвучивая при этом трафаретную рецепцию инородцев в российском образованном обществе: «Мы крестим возрастных, неграмотных и часто очень тупых» [22, с. 39].

Сплошной просмотр публикаций журнала «Православный благовестник» позволяет высказать предположение о постепенном смещении в церковной, и прежде всего в миссионерской среде, акцентов от необходимости насильственной ассимиляции и русификации инородцев, к формулированию сценариев их «взросления». Маркируя инородцев как культурно отсталых «детей природы», православные корреспонденты признавали

важность изучения образа жизни, хозяйственных стереотипов и религиозных воззрений коренных народов Азиатской России, полагая, что дорастить инородцев до цивилизованного уровня можно только «приспособившись к внутреннему состоянию души того человека, кого нужно обратить к пути истинному» [23, с. 45; 24, с. 34–35]. На этом основании делался вывод: «Кто идёт проповедовать Евангелие к народам языческим, тот должен...ознакомиться с верованиями того народа, где ему предложит дело» [24, с. 45]. Характерно, что если в публикациях журналистов-миссионеров конца XIX в. настойчиво транслировалась идея о «разумной братской помощи в духе истинно христианском» [15, с. 18], которую обязаны оказать инородцам «цивилизованные» русские миссионеры, то в начале XX столетия корреспонденты признавали несостоятельность своих усилий, связанных с приобщением коренного населения к российским экономическим практикам. Так, например, в описаниях хозяйственной деятельности обских самоедов и остяков в журнале за 1893 г. авторами подчёркивалась неспособность инородцев «освободиться от влияния могучей природы», подпитывавшей религиозные предрассудки; их «рабская зависимость от среды обитания и неумение воспользоваться обилием произведений природы» [15, с. 17]. В статьях начала нового века журналисты издания ограничивались уже простой констатацией приверженности инородцев к веками апробированным промыслам: «Влияние русских на инородцев благотворно только в том, что некоторые из гиляков (автохтоны Амурского края) начинают строить дома русского типа и заниматься огородничеством, которое служит им большим подспорьем в неурожайный год для рыбного промысла (все инородцы стана почти исключительно рыболовы)» [25, с. 25].

Во-вторых, готовность к принятию компромиссных решений в вопросе о методах культурной инкорпорации коренного населения Азиатской России наглядно отразилась в дискурсивном паттерне религиозного просветительства средствами школьного инородческого образования. Обратим внимание, что данная проблема интенсивно обсуждалась в публикациях журнала на разных «площадках» – как в материалах отчётного характера, так и в отдельных публикациях корреспондентов-миссионеров, вовлечённых в образовательную деятельность среди инород-

цев. В конце XIX – начале XX в. ориентиром в религиозно-просветительской деятельности священников-миссионеров являлась система российского востоковеда и педагога Н. И. Ильминского, внедрённая в образовательную практику в Поволжье и получившая признание в периферийных регионах России в начале XX в. Тезис Ильминского о русском культуртрегерстве с опорой на инородческие языки вызывал в церковной среде 1870–1880-х гг. неоднозначную реакцию. Однако очевидно, что в конце XIX – начале XX в. дискуссии о языковых приоритетах стали стихать. Корреспондент «Православного благовестника» священник И. Износков в одной из публикаций предельно точно сформулировал позицию миссионерского сообщества относительно главной задачи распространения идей Н. И. Ильминского: «...Вообще мы думаем, что при обучении инородцев следует более заботиться не о русском языке, а о воспитании их в духе нашей православной веры» [26, с. 48].

Начиная с 1895 г. журнал регулярно публиковал отзывы на книгу архимандрита Макария Глухарёва «Мысли о способах к успешнейшему распространению христианской веры между евреями, магометанами и язычниками в Российской державе», лейтмотивом которых являлся сюжет о необходимости подготовки квалифицированных работников миссий, в совершенстве владеющих инородческими языками, знание которых рассматривалось как необходимое условие христианского «обращения» коренных народов и их культурной ассимиляции [27, с. 132, 180–189]. В широко развернувшейся журнальной полемике паттерн трансляции русской культуры и православной веры с опорой на родное наречие в преподавании учебных курсов, дополнялся призывом к привлечению в образовательные практики коренного населения выходцев из инородческой среды. В частности, указывалось, что «...непосредственными деятелями среди инородцев должны быть единоплеменные им лица, а потому Миссионерское Общество поступит рациональнее, если главное свое внимание обратит на образование миссионеров именно из туземцев страны, где им нужно действовать» [27, с. 231]. Объясняя логику привлечения выходцев из коренного населения к учительской работе, корреспонденты-миссионеры проводили чёткую разделительную черту между своими – русскими миссионерами и чужими – инородцами, констатируя,

что «русский миссионер всегда будет казаться инородцам человеком чужим; не может рассчитывать на полную откровенность и доверие..., поэтому он не может обойтись без пособия природных крещеных инородцев» [27, с. 283–284]. Таким образом, в представлениях миссионеров, репрезентируемых на страницах журнала «Православный благовестник», паттерн религиозного просветительства конструировался из двух составляющих элементов: школьного инородческого образования с опорой на инородческие языки и посредническую функцию образованных выходцев из коренной среды.

В-третьих, в репрезентации темы культурной интеграции инородцев Азиатской России корреспонденты «Православного благовестника» регулярно апеллировали к экстремальности миссионерской работы, сооружая образ «одинокого подвижника», действующего в условиях ограниченной государственной и церковной поддержки среди многочисленных оседлых и кочевых племён. Идентичность миссионеров маркировалась в публикациях журналистов в таких категориях, как «ревностные к делу», «несущие тяжкое иго», «видящие безотрадность своего служения» [28, с. 27–33]. Нарратив «отверженности» и «тщеты» миссионерского служения адресовался прежде всего сообществу миссионеров, включённому в коммуникацию с инородцами, и был призван убедить братию в долгосрочности проектов культурной интеграции народов азиатской периферии. Отдельные статьи или фрагменты публикаций демонстрировали, с одной стороны, понимание в миссионерской среде масштабов сложности и непредсказуемости результатов культуртрегерства в отношении инородческой массы, с другой – постоянной готовности к разработке новых сценариев взаимодействия с индигенным населением и принятию быстрых «опциональных» решений.

Показательной в этом плане является заметка настоятеля Обдорской духовной миссии иеромонаха Иринарха, в которой он обратил внимание на факт активного переселения в Обдорский край зырян Архангельской губернии. По мнению корреспондента-миссионера, «...зыряне-ижемцы, посвящённые святой православной верой,.. могут быть полезны для дела миссии, и для привития инородцам начал русской культуры в крае...» [29, с. 22–23]. Предлагаемый Иринархом вариант культурно-колониального посредничества свидетельствовал как

об ограниченности собственных возможностей миссионеров к реализации культуртрегерских актов в отношении коренных групп населения – остяков и самоедов, так и об обнаружении дополнительных инструментов влияния на инородческую массу.

Продуктивным, с учётом реалий, вариантом актуализации русского культурного влияния на инородцев журналисты «Православного благовестника» признавали опыт деятельности братства святителя Гурия, публикуя отчёты о работе этой миссионерской организации [30, с. 14–26]. Знакомство с материалами отчётов позволяет констатировать, что в исследуемый период миссионерство находилось в поиске неординарных подходов к делу культурной коммуникации с коренным населением окраин, отказываясь от практик насильственной христианизации и русификации. Характерным становилось стремление разобраться в ментальном складе характера инородцев, их психологических реакциях и стереотипах поведения. Так, корреспондент Н. Комаров, отмечал, что «...простолюдины вообще, а особенно инородцы, не доверяют коллективным учреждениям, а только лицу, которое успело на деле заявить пред ними свое прямодушное расположение к ним. Такими лицами, которые успели привлечь к себе доверие народа, только и может быть ведено дело народного образования» [30, с. 25]. Подобный вывод стимулировал большой объём публикаций касательно влияния российской интеллигенции на культурные процессы в инородческой среде, которое реализовывалось посредством опеки и поддержки выдающихся представителей коренного населения. Так, например, в серии статей «Православного благовестника» читателю были предложены многочисленные сюжеты, связанные с научной, просветительской и образовательной деятельностью В. В. Григорьева, Н. И. Ильминского и др., сыгравших знаковую роль в становлении личностей влиятельных в инородческой среде как Ч. Ч. и Г. Б. Валихановы, И. А. Алтынсарин и т. д.

Обсуждение и выводы

Подводя общий итог, отметим, что дискурс культурной интеграции коренного населения азиатских окраин Российской империи в конце XIX – начале XX в., репрезентируемый в публикациях журнала «Православный благовестник» конструировался в тесном «сцеплении» с общественно-политическими

представлениями о решении инородческого вопроса в России в контексте политики населения указанного периода. Русская православная церковь в лице её наиболее активного актора на востоке империи – сообщества миссионеров, формулировала свои представления о коренных народах в соответствии с просветительскими конвенциями прогресса и отсталости, а также широко распространившимся эволюционистским пониманием развития человеческих обществ. Паттерн русского культурного превосходства и делегитимизации нехристианских народов, характерный для отечественной дискурсивной риторики середины XIX столетия, на рубеже веков дополнился идеей о культуртрегерстве РПЦ, направленном на «взросление» инородцев средствами религиозного просвещения и образования. Очевидно, что в условиях активной коммуникации с коренными народами в миссионерской среде постепенно утверждалось понимание об ограниченных возможностях института Церкви и её отдельных представителей в реализации практик христианизации и просвещения, что находило выражение в поиске дополнительных ресурсов взаимодействия с инородцами, отработке различных сценариев колониального посредничества, а также продвижении таковых в обществе Азиатской России силами периодической печати.

Список литературы

1. Беккер С. Россия и концепт империи // Новая имперская история постсоветского пространства: сб. статей (Библиотека журнала «Ab imperio») / под ред. И. В. Герасимова, А. П. Каплуновского, М. Б. Могильнер, А. М. Семёнова. Казань: ГУП ПИК Идел-Пресс, 2004. С. 67–81.
2. Ходарковский М. Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя. 1500–1800. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 352 с.
3. Эткинд А.¹ Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 448 с.
4. Круз Р. За пророка и царя. Ислам и империя в России и Центральной Азии. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 408 с.
5. Верт П. Православие, инославление, иноверие. Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 280 с.
6. Ремнев А. В. Вдвинуть Россию в Сибирь. Империя и русская колонизация второй половины XIX – начала XX века // Новая имперская история постсоветского пространства: сб. статей (Библиотека журнала «Ab imperio») / под ред. И. В. Герасимова, А. П. Каплуновского, М. Б. Могильнер, А. М. Семёнова. Казань: ГУП ПИК Идел-Пресс, 2004. С. 223–243.
7. Малахов В. Политика различий. Культурный плюрализм и идентичность. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 288 с.

¹ Признан иностранным агентом.

8. Тольц В. «Собственный восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднейимперский период. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 336 с.

9. Григорьев В. В. Об отношении России к Востоку: Речь, произнесенная исправляющим должностным профессором В. Григорьевым. Одесса: б. и., 1840. 18 с.

10. Чуркин М. К. Репрезентации «собственного Востока России» в епархиальной периодической печати Западной Сибири и Степного края (вторая половина XIX – начало XX в.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2024. Т. 31. № 3. С. 52–59. DOI 10.15372/HSS20240307. EDN: GXLVWZ.

11. Лысенко Ю. А. Очерки истории Русской православной церкви в Казахстане (XVIII – начало XX в.). Барнаул: Азбука, 2011. 155 с. EDN: QVZOIF.

12. Балин М. А. Религиозная политика на восточных окраинах Российской империи: общественно-политический дискурс второй половины XIX – начала XX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2022. Т. 41. С. 31–40. DOI 10.26516/2222–9124.2022.41.31. EDN: UOUUUL

13. Манчестер Л., Сдвижков Д. Вера и личность в меняющемся обществе. Автобиография и православие в России конца XVII – начала XX века. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 408 с.

14. Филлипс Н., Йоргенсен М. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. 352 с.

15. Сибирские инородцы. Самоеды и остяки // Православный благовестник. 1893. № 14. С. 8–18.

16. Известия и заметки. Церковно-приходские школы среди якутов // Православный благовестник. 1893. № 13. С. 47–49.

17. Елеонский Н. Наши миссионеры на севере Сибири // Православный благовестник. 1893. № 14. С. 3–8.

18. Об образовании инородцев // Православный благовестник. 1894. № 1. С. 5–12.

19. Православное миссионерское общество // Православный благовестник. 1895. № 1. С. 7–21.

20. Об издании миссионерского журнала «Православный благовестник» в 1903 г. // Православный благовестник. 1903. № 1. С. 1–3.

21. Харлампович К. В. О христианском просвещении инородцев: переписка архиепископа Вениамина Иркутского с Н. И. Ильминским // Православный собеседник. 1905. № 7/8. Прил. С. 11–16.

22. Вениамин (архиепископ Иркутский и Нерчинский). Жизненные вопросы православной миссии в Сибири. СПб.: Тип. А. Н. Котомина, 1885. 75 с.

23. Мелетий (епископ Якутский и Вилюйский) О необходимости для миссионеров изучения языческих религий // Православный благовестник. 1894. № 2. С. 45–51.

24. Ястребов И. Вопрос об устройстве и организации образовательных заведений для приготовления православных благовестников (миссионеров) // Православный благовестник. 1895. № 1. С. 31–38.

25. Зеленецкий В. Очерки миссионерской деятельности некоторых казанских архипастырей // Православный благовестник. 1901. № 1. С. 20–28.

26. Износков И. Материалы для истории христианского просвещения инородцев Казанского края // Православный благовестник. 1901. № 18. С. 47–52.

27. Ястребов И. Вопрос об устройстве и организации образовательных заведений для приготовления православных благовестников (миссионеров) // Православный благовестник. 1895. № 3–6. С. 129–136, 180–189, 227–236, 283–294.

28. Прошлое сибирских миссий // Православный благовестник. 1893. № 17. С. 27–33.

29. Иеромонах Иринарх (настоятель Обдорской миссии) Из Обдорской миссии // Православный благовестник. 1903. № 1. С. 22–25.

30. Комаров Н. Казанское братство святителя Гурия // Православный благовестник. 1893. № 19. С. 14–26.

The Discourse of Cultural Integration of the Indigenous Peoples of Asian Russia in the Publications of the Pravoslavnyy Blagovestnik Journal (late 19th – early 20th centuries)

Mikhail K. Churkin

This article, based on materials from the Pravoslavnyy Blagovestnik journal, reveals the content of the discourse on the cultural integration of the indigenous peoples of Asian Russia in the late 19th – early 20th centuries. The use of research approaches and practices of “new imperial history” as well as discourse analysis methods made it possible to identify key patterns in the views of the publication's correspondents – missionaries – on models of communication with the non-Russian population of the periphery, as well as scenarios for their cultural integration into Russian society. It has been established that the Russian Orthodox Church, represented by missionaries, while generally sharing the educational principles characteristic of Russian educated society, was an active participant in the colonization process, responding quickly to the real situation. Realising the low productivity of radical Russification, missionary work gradually shifted towards “soft” methods of cultural transmission in relation to indigenous population groups: practices of religious enlightenment and education using native languages, and the organization of “platforms” for colonial mediation in foreign environments. The Pravoslavnyy Blagovestnik journal, as the missionary community organ, not only reflected the reception of the foreign question in the church environment, but also corrected public opinion by offering constructive options for cultural interaction with the foreign masses.

Key words: Pravoslavnyy Blagovestnik, Asian Russia, Russian Orthodox Church, missionary work, cultural integration, discourse.

For citation: Churkin, M. K. (2025) Diskurs kul'turnoj integracii korennyh narodov Aziatskoj Rossii v publikacijah zhurnala «Pravoslavnyj blagovestnik» (konec XIX – nachalo XX v.) [The Discourse of Cultural Integration of the Indigenous Peoples of Asian Russia in the Publications of the Pravoslavnyy Blagovestnik Journal (late 19th – early 20th centuries)]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 3. Pp. 177–192. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2025_3_177. EDN: QYYLXU

References

1. Bekker, S. (2004) Rossiya i koncept imperii [Russia and the Concept of Empire]. *Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva: Sb. statej (Biblioteka zhurnala «Ab imperio»)* [New Imperial History of the Post-Soviet Space: Collection of Articles (Library of the Journal Ab imperio)]. Kazan: GUP PIK Idel-Press. Pp. 67–81. (In Russ.)
2. Hodarkovskij, M. (2019) *Stepnye rubezhi Rossii: kak sozdavalas' kolonial'naya imperiya. 1500–1800* [Russia's Steppe Frontiers: How the Colonial Empire Was Created. 1500–1800]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
3. Etkind, A.¹ (2019) *Vnutrennyaya kolonizaciya. Imperskij opyt Rossii* [Internal Colonisation. Russia's Imperial Experience]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
4. Kruz, R. (2020) *Za proroka i tsarya. Islam i imperiya v Rossii i Central'noj Azii* [For the Prophet and the Tsar. Islam and Empire in Russia and Central Asia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
5. Vert, P. (2012) *Pravoslavie, inoslavie, inoverie. Ocherki po istorii religioznogo raznobraziya Rossijskoj imperii* [Orthodoxy, Heterodoxy, and Foreign Faiths. Essays on the History of Religious Diversity in the Russian Empire]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
6. Remnev, A. V. (2004) *Vdvinut' Rossiju v Sibir'. Imperiya i russkaya kolonizaciya vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka* [Pushing Russia into Siberia. The Empire and Russian Colonisation in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. *Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva: Sb. statej (Biblioteka zhurnala «Ab imperio»)* [New Imperial History of the Post-Soviet Space: Collection of Articles (Library of the Ab imperio Journal)]. Kazan: GUP PIK Idel-Press. Pp. 223–243. (In Russ.)

¹ Recognised as a foreign agent.

7. Malahov, V. (2023) *Politika razlichij. Kul'turnyj plyuralizm i identichnost'* [The Politics of Difference. Cultural Pluralism and Identity]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)

8. Tol'ts, V. (2013) «*Sobstvennyj vostok Rossii*»: *Politika identichnosti i vostokovedenie v pozdneimperijskij period*. [Russia's Own East: Identity Politics and Oriental Studies in the Late Imperial Period]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)

9. Grigor'ev, V. V. (1840) *Ob otnošenii Rossii k Vostoku: Rech', proiznesyonnaya ispravlyayushchim dolzhnost' professorom V. Grigor'evym* [On Russia's Attitude to the East: Speech Delivered by Acting Professor V. Grigoriev]. Odessa: b.i. (In Russ.)

10. Churkin, M. K. (2023) *Reprezentacii «sobstvennogo Vostoka Rossii» v eparhial'noj periodicheskoj pečati Zapadnoj Sibiri i Stepnogo kraja (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Representations of “Russia's own East” in the diocesan periodical press of Western Siberia and the Steppe Region (second half of the 19th – early 20th centuries)]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia]. Vol. 31. No. 3. Pp. 52–59. DOI 10.15372/HSS20240307. EDN: GXLVWZ. (In Russ.)

11. Lysenko, Yu. A. (2011) *Očerki istorii Russkoj pravoslavnoj tserkvi v Kazahstane (XVIII – nachalo XX v.)* [Essays on the History of the Russian Orthodox Church in Kazakhstan (18th – early 20th centuries)]. Barnaul: Azbuka. EDN: QVZOIF. (In Russ.)

12. Balin, M. A. (2022) *Religioznaya politika na vostochnyh okrainah Rossijskoj imperii: obshchestvenno-politicheskij diskurs vtoroj poloviny XIX – nachala XX v.* [Religious policy on the eastern fringes of the Russian Empire: socio-political discourse in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya* [News of Irkutsk State University. Series: History]. Vol. 41. Pp. 31–40. DOI 10.26516/2222-9124.2022.41.31. EDN: UOUUUL (In Russ.)

13. Manchester, L., Sdvizhkov, D. (2019) *Vera i lichnost' v menyayushchemsya obshchestve. Avtobiografika i pravoslavie v Rossii konca XVII – nachala XX veka* [Faith and personality in a changing society. Autobiography and Orthodoxy in Russia in the late 17th – early 20th centuries]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)

14. Fillips, N., Jorgensen, M. (2008) *Diskurs-analiz. Teoriya i metod* [Discourse Analysis: Theory and Method]. Har'kov: Izd-vo «Gumanitarnyj centr». (In Russ.)

15. (1893) *Sibirskie inorodcy. Samoedy i ostyaki* [Siberian Foreigners. Samoyeds and Ostyaks]. *Pravoslavnyj blagovestnik* [Orthodox Herald]. No. 14. Pp. 8–18. (In Russ.)

16. (1893) *Izvestiya i zametki. Tserkovno-prihodskie shkoly sredi yakutov* [News and Notes. Church Parish Schools among the Yakuts]. *Pravoslavnyj blagovestnik* [Orthodox Herald]. No. 13. Pp. 47–49. (In Russ.)

17. Eleonskij, N. (1893) *Nashi missionery na severe Sibiri* [Our missionaries in Northern Siberia]. *Pravoslavnyj blagovestnik* [Orthodox Herald]. No. 14. Pp. 3–8. (In Russ.)

18. (1894) *Ob obrazovanii inorodcev* [On the education of indigenous peoples]. *Pravoslavnyj blagovestnik* [Orthodox Herald]. No. 1. Pp. 5–12. (In Russ.)

19. (1895) *Pravoslavnoe missionerskoe obshchestvo* [Orthodox Missionary Society]. *Pravoslavnyj blagovestnik* [Orthodox Herald]. No. 1. Pp. 7–21. (In Russ.)

20. (1903) *Ob izdanii missionerskogo zhurnala «Pravoslavnyj blagovestnik» v 1903 g.* [On the publication of the missionary journal Orthodox Herald in 1903]. *Pravoslavnyj blagovestnik* [Orthodox Herald]. No. 1. Pp. 1–3. (In Russ.)

21. Harlampovich, K. V. (1905) *O hristianskom prosveshchenii inorodcev: perepiska arhiiepiskopa Veniamina Irkutskogo s N. I. Il'minskim* [On Christian education of foreigners: correspondence between Archbishop Veniamin of Irkutsk and N. I. Il'minsky]. *Pravoslavnyj sobesednik* [Orthodox Herald]. No. 7/8. Pril. Pp. 11–16. (In Russ.)

22. Veniamin, (arhiepisop Irkutskij i Nerchinskij) (1885) *Zhiznennye voprosy pravoslavnoj missii v Sibiri* [Vital Issues of the Orthodox Mission in Siberia]. St. Petersburg: Tip. A. N. Kotomina, 1885. (In Russ.)

23. Meletij, (episkop Yakutskij i Vilyujskij) (1894) *O neobhodimosti dlya missionerov izucheniya yazycheskih religij* [On the necessity for missionaries to study pagan religions]. *Pravoslavnyj blagovestnik* [Orthodox Herald]. No. 2. Pp. 45–51. (In Russ.)

24. Yastrebov, I. (1895) *Vopros ob ustrojstve i organizacii obrazovatel'nyh zavedenij dlya prigotovleniya pravoslavnyh blagovestnikov (missionerov)* [The Question of the Structure and Or-

ganisation of Educational Institutions for the Training of Orthodox Evangelists (Missionaries)]. *Pravoslavnyj blagovestnik* [Orthodox Herald]. No. 1. Pp. 31–38. (In Russ.)

25. Zelenekij, V. (1901) Oчерки missionerskoj deyatelnosti nekotoryh kazanskih arhipastyrej [Essays on the missionary activities of some Kazan archpastors]. *Pravoslavnyj blagovestnik* [Orthodox Herald]. No. 1. Pp. 20–28. (In Russ.)

26. Iznoskov, I. (1901) Materialy dlya istorii hristianskogo prosveshcheniya inorodcev Kazanskogo kraja [Materials for the history of Christian education of foreigners in the Kazan region]. *Pravoslavnyj blagovestnik* [Orthodox Herald]. No. 18. Pp. 47–52. (In Russ.)

27. Yastrebov, I. (1895) Vopros ob ustrojstve i organizacii obrazovatel'nyh zavedenij dlya prigotovleniya pravoslavnyh blagovestnikov (missionerov) [The question of the structure and organisation of educational institutions for the training of Orthodox evangelists (missionaries)]. *Pravoslavnyj blagovestnik* [Orthodox Herald]. No. 3–6. Pp. 129–136; 180–189; 227–236; 283–294. (In Russ.)

28. (1893) Proshloe sibirskih missij [The past of Siberian missions]. *Pravoslavnyj blagovestnik* [Orthodox Herald]. 1893. No. 17. Pp. 27–33. (In Russ.)

29. Ieromonah Irinarh, (nastoyatel' Obdorskoj missii) (1903) Iz Obdorskoj missii [From the Obdorsk Mission]. *Pravoslavnyj blagovestnik* [Orthodox Herald]. No. 1. Pp. 22–25. (In Russ.)

30. Komarov, N. (1893) *Kazanskoe bratstvo svyatitelya Guriya* [The Kazan Brotherhood of St. Gurias]. *Pravoslavnyj blagovestnik* [Orthodox Herald]. No. 19. Pp. 14–26. (In Russ.)

Об авторе

Чуркин Михаил Константинович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории, Омский государственный педагогический университет, г. Омск, Российская Федерация; e-mail: proffchurkin@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-1122-0928

About the author

Churkin Mikhail K., Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Russian History, Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russian Federation; e-mail: proffchurkin@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-1122-0928

Статья поступила в редакцию 14.06.2025

Одобрена после рецензирования 25.06.2025

Принята к публикации 09.07.2025